

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.8>

Красноярова Анна Александровна

"Китайский текст" и "китайский контекст" русской литературы XIX века

В современном литературоведении стало широко распространенным изучение различных вариантов "тематических текстов", среди которых новым направлением является "китайский текст". В работах российских и зарубежных литературоведов и культурологов "китайский текст" как особое явление специально не рассматривался, хотя количество произведений, в том или ином аспекте описывающих Китай, насчитывает многие сотни. Цель статьи - исследование системы представлений о Китае, сформировавшейся в русской культуре, в связи с чем используются понятия "китайский текст" и "китайский контекст", изучение взаимодействия которых предоставляет уникальную возможность осмысления как национальной специфики русской культуры, так и особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 43-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Typology of Biographical Genre in the Russian Literature of the XX-XXI Centuries (by the Material of Works by B. K. Zaytsev and A. N. Varlamov)

Kostyleva Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov
vlsu@vlsu.ru

The article traces evolution of the biographical genre in the Russian literature of the XX-XXI centuries by the example of works by B. K. Zaytsev and his immediate follower A. N. Varlamov. The researcher describes constitutive principles of the biographical genre, emphasizes its syncretic nature, and examines motives for its popularity nowadays. The research objective includes analysing specificity of the modern fictionalized biography in the context of the domestic historical and literary tradition. The comparative analysis of B. K. Zaytsev's and A. N. Varlamov's biographical novels allows concluding about stability of this genre form.

Key words and phrases: biographical novel; fictionalized biography; B. K. Zaytsev; A. N. Varlamov; V. S. Solovyov; M. A. Bulgakov; impressionism; Silver Age; document.

УДК 821.161.1"18-21"

Дата поступления рукописи: 23.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.8>

В современном литературоведении стало широко распространенным изучение различных вариантов «тематических текстов», среди которых новым направлением является «китайский текст». В работах российских и зарубежных литературоведов и культурологов «китайский текст» как особое явление специально не рассматривался, хотя количество произведений, в том или ином аспекте описывающих Китай, насчитывает многие сотни. Цель статьи – исследование системы представлений о Китае, сформировавшейся в русской культуре, в связи с чем используются понятия «китайский текст» и «китайский контекст», изучение взаимодействия которых предоставляет уникальную возможность осмысления как национальной специфики русской культуры, так и особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой.

Ключевые слова и фразы: Россия и Китай; китайский текст; китайский контекст; проблемы межкультурной коммуникации; русская литература XIX века; Китай в русской литературе.

Красноярова Анна Александровна

Наньчанский университет, Китайская Народная Республика
annaparkova1909@gmail.com

«Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX века

Среди многочисленных и разнообразных «сверхтекстов», созданных русской культурой, важное место занимают произведения, в которых появляется описание Китая как особого типа художественного пространства («художественного мира»), рассмотренного в качестве собирательного образа, влияющего на судьбы конкретных персонажей и развитие сюжета. Такие произведения будут рассматриваться нами как единый «сверхтекст» и в дальнейшем называться «китайским текстом» [8, с. 123].

В отличие других пространственных «сверхтекстов» культуры («петербургского», «московского», «венецианского» и др.), достаточно хорошо изученных российскими литературоведами в 1990-2000-е гг. [11; 17], «китайский текст» связан не столько с изображением того или иного «локуса» (художественного пространства или образов людей, населяющих его), сколько со стремлением раскрыть специфику *особого типа цивилизации*, отличного от более знакомого для России «западного» («европейского») пути.

«Китайский текст» был изначально соотнесён с многочисленными политическими, историческими, религиозно-философскими, правовыми, литературными и бытовыми *контекстами*, которые оказывали существенное воздействие на представления российской образованной публики о Китае. По этой причине «китайский текст» в русской культуре рассматривался не как *художественное* явление, а преимущественно как иллюстрация тех или иных политических и историко-культурологических аспектов [9; 10; 14].

Литературоведческие исследования «китайского текста» русской литературы как целостного явления практически не проводились. Отдельные работы в этом направлении касались изучения образов Китая и китайцев в отдельных конкретных произведениях русской литературы [2; 12] или описания художественных функций тех или иных концепций [19] – в частности, представлений о развитии России.

Вопрос об особенностях художественного восприятия Китая ставился в работах, посвящённых изучению поэтики литературы русского восточного зарубежья (творчеству писателей, относящихся к харбинской и шанхайской диаспорам). Российские [16; 21] и китайские [22] литературоведы отмечали, что писатели-эмигранты стремились изучить и понять страну, в которой волею судьбы они оказались, и выразить участие в тяжёлой судьбе китайского народа.

Актуальность такой постановки вопроса обусловлена не только тем, что взаимоотношения с Китаем сегодня являются важнейшим фактором международного положения, но и тем, что изучение эстетического восприятия Китая в русской культуре позволяет осмыслить механизмы межкультурной коммуникации (особенно на примере столь разных по своей природе культур, как русская и китайская), раскрыть особенности самоосмысления русской культуры. **Практическая значимость** такого исследования может заключаться в том, что его результаты будут способствовать взаимодействию культур, раскрывая механизм формирования представлений о традициях и жизни как русского, так и китайского народа. Изучение «китайского текста» и «китайского контекста» позволяет осмыслить национальную специфику русской культуры и особенности традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированные русской литературой XIX в.

Поскольку путешествия в Китай для абсолютного большинства русских людей долгое время были недоступны, формирование «китайского текста» русской литературы оказалось тесно связано с развитием отечественной синологии, с публикацией переводов классической китайской словесности, а также с изучением европейской традиции восприятия китайской культуры. Поэтому процесс формирования «китайского текста» в русской литературе был тесно связан со становлением «китайского контекста» культуры, который создавал условия для формирования особого культурного фона, влияя на возникновение дискуссий о судьбе мировой цивилизации и о месте в ней России. Под «китайским контекстом» мы в данном случае имеем в виду культурную *среду*, а также преломлённые в культурной памяти *субъектов* текста – *читателей* – представления о Китае (нередко весьма далёкие от реальности и даже фантастические), его языке, истории, природе и культуре, в том числе выраженные через другие *тексты*, посвящённые этой стране (в частности, исследования российских сиологов).

Таким образом, **целью** исследования может стать определение *роли*, которую сыграл «китайский контекст» в процессе формирования в русской литературе «китайского текста».

В качестве **задач** работы мы ставим описание художественных контекстов, выраженных в реалиях русской культуры, способствовавших становлению «китайского текста», выявление этапов его развития, а также места «китайского текста» в культурном контексте России и исследование художественных функций образа Китая в русской литературе.

В основу **метода** описания «китайского текста» и «китайского контекста», вытекающего из поставленных задач, были положены принципы *культурно-контекстуального анализа*, сформированные из фундаментальных идей Ю. Лотмана о принципах выражения культуры в тексте, а также принципы исследования «пространственных» и «именных» текстов, разрабатывавшиеся В. Топоровым [17], Б. Гаспаровым [4] и другими исследователями.

Особое место в истории формирования «китайского текста» занимает период его *становления*, начавшийся конца XVIII в. и завершившийся в последние десятилетия XIX в., на протяжении которого был определён комплекс социальных проблем, соотносившихся с «китайским текстом», а в культуре возник развёрнутой «контекст», ставший «фоном» «текста».

Возникновение китайского контекста в русской литературе имело продолжительную историю. В течение *древнерусского периода* истории (до конца XVII в.) представления российского населения о Китае были весьма приблизительными [10]. Первая российская дипломатическая миссия в Китай, возглавляемая И. Ф. Петлиным, состоялась в 1618 г.; при этом руководитель миссии оставил описание своей поездки («Роспись Китайскому государству...»). Хорошо известен исторический факт, свидетельствующий о трудностях, возникавших во взаимоотношениях России и Китая. Император Минской династии Чжу Ицзюнь, правивший под девизом «Ваньли» (1563-1620), послал с И. Петлиным письмо русскому царю Василию Шуйскому (1552-1612), которое было привезено в Томск и там «оставлено на хранение». Поскольку в России в этот период не имелось ни одного переводчика с китайского языка, содержание послания на протяжении более 60 лет оставалось неизвестным, и только в 1675 г. известный русский дипломат Н. Г. Спафарий, отправленный в Пекин в качестве посла, нашёл в Тобольске человека, сумевшего понять общий смысл текста: император предлагал царю Василию Шуйскому развивать между Россией и Китаем двустороннюю торговлю.

Целенаправленный интерес к Китаю и китайской культуре (то есть формирование *китайского контекста*, ставшего основой для дальнейшего формирования *китайского текста*) в России стал возникать в XVIII в. В 1700 г. император Пётр I издал специальный указ об изучении восточных языков, в котором была отмечена стратегическая важность для России *китайского языка* [7, с. 40]. В этом аспекте Российская империя включалась в общеевропейскую тенденцию, связанную с ростом интереса к великому восточному государству.

В России стала развиваться европейская «придворная» традиция обращения к «китайскому стилю» *chinoiserie* («*шинузари*»), который повлиял на архитектуру, живопись, оформление интерьеров и женскую моду. Стиль *chinoiserie* предполагал использование при отделке интерьеров отдельных предметов, привезённых из Китая, – изделий (настоящих или поддельных) из нефрита и слоновой кости, китайского лака и фарфора, картин на сюжеты китайской жизни; декорирование стен помещений шёлком и т.п., а также применение особых художественных приёмов и специфической китайской символики (изображений драконов и птицы феникс, элементов китайского орнамента, обозначающих молнии, благодатный дождь, облака, волны и т.п.).

Стиль *chinoiserie* быстро входил в придворный быт, особенно в период правления императрицы Екатерины II (1762-1796 гг.), когда в обиход вошла китайская «чайная церемония», считавшаяся признаком хорошего тона, предметы одежды, изготовленные из шёлка, зонтики от солнца, ширмы, веера и другие предметы, соотносившиеся в сознании людей того времени с Китаем.

Использование стиля *chinoiserie* оказалось не просто очередной модой – он стал «знаковым» для культуры XVIII – начала XIX в., поскольку свидетельствовал о материальном достатке хозяев помещений и утонченности их эстетических представлений. Появление этого стиля в рамках русской культуры стало первым этапом функционирования *китайского контекста*. При этом – в большинстве случаев – обращение к китайской культуре оставалось поверхностным, касающимся только отдельных внешних деталей и стилистических приёмов; сущность национальных традиций и стоящая за ними философско-этическая система, жизнь китайского народа долгое время оставались вне сферы внимания российского общества и не сопровождалась углублённой «просветительской» и «интеллектуальной» любовью к Китаю.

Китай стал упоминаться в отдельных произведениях русских писателей («Письмо о пользе стекла» М. В. Ломоносова, сатира «Об истинном блаженстве» А. Д. Кантемира, «Песнь историческая» А. Н. Радищева, «Памятник герою» и «Фелица» Г. Р. Державина, «Бабушкина азбука» царицы Екатерины II, «Письмо Китаю к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге» М. В. Сушковой). В этих произведениях упоминались китайские мыслители (в частности, Конфуций), а Китай и китайцы, как правило, интерпретировались как выразители высших духовных достижений мировой культуры. Так, например, А. Д. Кантемир в упомянутой выше сатире «О истинном блаженстве» (1738) особо указывал на «китайский ум», который «зрящих удивляет».

В последнюю треть XVIII в. в Россию из Европы стали проникать псевдокитайские повести, авторами которых на самом деле были европейцы, однако российскими читателями они воспринимались как оригинальные китайские произведения [13].

Поскольку в XIX в. традиция переводов на русский язык ещё не сформировалась, переводчики обычно излагали только общий смысл текста оригинала, а сами переводы представляли краткие вольные пересказы китайских текстов (авторы которых обычно не указывались) и имели значительные отступления от сюжетной линии оригинальных произведений; при этом существенно корректировались имена персонажей, изменялось время и место действия.

В дальнейшем появились переложения подлинных китайских текстов – как исторических сочинений, так и художественных. В конце XVIII в. один из первых российских востоковедов А. Г. Владыкин, хорошо знавший маньчжурский и китайский языки, перевёл на русский язык китайский роман «Повествование о Цине, Юнь и Цю» («Цзинь, Юнь, Цю Чжуань»), созданный в первой половине XVII в., перевод которого сохранился в рукописном варианте [Там же, с. 17].

Приведём ещё один пример. В XVI-XVII вв. в Китае был создан сборник остросюжетных повестей «Цзинь гу цигуань» – «Удивительные истории нашего времени и древности» [18, с. 137-167]. В 1810 г. в популярном российском журнале «Друг юношества» под рубрикой «Китайские анекдоты» (слово «анекдот» использовалось в данном случае в значении, принятом в начале XIX в., – как обозначение забавной истории) было помещено несколько историй из китайской жизни.

На протяжении первой трети XIX в. издатели российских журналов внимательно следили за тем, какие китайские произведения публикуются на Западе, и старались не отставать от своих зарубежных коллег. В этот период в российских журналах часто стали появляться короткие рассказы на «китайскую тему», подготовленные анонимными переводчиками (чаще всего выполненные через языки-посредники, в том числе маньчжурский язык).

В процессе переводческой деятельности российские синологи постоянно сталкивались с проблемами, обусловленными сложностью интерпретации культуры традиционного Китая, с отсутствием словарей и терминологического аппарата. Поэтому первоначально в России особую роль играли переводы китайских текстов, выполненные с маньчжурского языка. Отмечая этот факт, академик В. М. Алексеев писал, что русские китаисты XVIII и XIX вв. смотрели на маньчжурскую версию едва ли не как на основную, ибо, боясь сложной китайской конструкции, понимание текста основывали на простой и ясной конструкции однообразно-агглютинативного языка с алфавитной письменностью [1].

В Российской духовной миссии в Пекине трудились многие известные исследователи Китая – И. К. Рассохин, А. Г. Владыкин, П. И. Каменский, С. В. Липовцев и другие. Работы этих учёных заложили основы российской классической синологии и способствовали формированию в сознании российских читателей XIX в. развёрнутых представлений о Китае – «китайского контекста». Если первоначально (во многом под влиянием французской культуры, игравшей в России большую роль) образ Китая в России был в значительной мере идеализированным и одновременно экзотическим, то, благодаря деятельности Российской духовной миссии в Пекине, он постепенно стал изменяться, став частью более или менее развёрнутой, конкретной и исторически правдивой системы – «китайского контекста».

Особое место в процессе формирования представлений о Китае в первой половине XIX в. принадлежало о. Иакинфу (Н. Я. Бичурину), являвшемуся главой миссии с 1807 по 1821 гг. Его труды стали главным источником для изучения российским обществом Китая и способствовали формированию в сознании читателей «китайского контекста».

В конце XVIII в. в некоторых учебных заведениях России стал преподаваться китайский язык, появились и первые переводы, выполненные непосредственно с китайского языка. Огромную роль в формировании «китайского контекста» сыграл один из первых русских китаистов – А. Л. Леонтьев, который дважды (в 1771 и 1773 гг.) публиковал книгу «Депей-китаец» (1771), представляющую перевод философских толкований Мен-цзы (Мэнцэ). В 1780 г. им были переведены некоторые важнейшие тексты китайской культуры («Да сюэ» («Да хио») и «Чжун юн»), объединённые в книгу под названием «Сы Шу Гей» (1780).

На протяжении XIX в. количество переводов китайских классических текстов и произведений, в которых в том или ином варианте описывался Китай, постоянно возрастало. Особо следует отметить цикл ироничных «китайских» произведений О. И. Сенковского (писателя и критика, очень хорошо чувствовавшего интересы общества) – повесть «Чин Чун, или Авторская слава» (1834), комедию «Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя» (1839), повесть «Китаец, утвердившийся на середине» (1843), заметку «Несколько подробностей о семействе нынешнего китайского императора» (1843), повесть «Совершеннейшая из всех женщин» (1843), которые имели разветвлённый сюжет и имели отчётливую установку на развлечение читателей.

В 1840-е гг. была опубликована пьеса известного писателя, критика и журналиста Н. А. Полевого «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», в которой Китай и его жители изображались комически. Это произведение стало началом дискуссии (продолжившейся в XX в.) о значении опыта Китая для мировой истории и культуры – в частности, для осмысления своеобразия исторического пути России.

Интерес к Китаю в русской культуре стимулировал внимание к нему со стороны критики и зарождавшейся в России философии. Особенно важны эти размышления оказались в контексте определения специфики России относительно культуры Запада и Востока.

В начале XIX в. в европейских странах сформировалось мнение об Азии (и о Китае в частности) как о месте нахождения безнадежно отставших от «запада» «застойных» цивилизаций, которые давно прекратили своё «прогрессивное» развитие, и о том, что «миссией» европейской цивилизации является их «окультуривание». Такое мнение высказывал, например, В. Г. Белинский в рецензии на книгу Н. Я. Бичурина «Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа» (1848). Русский критик, исходя из новых «европейских» стереотипов, отмечал: «Лицемерие, лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайцев. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа...» [3, с. 598].

Необходимо отметить, что российские мыслители 1830-1840-х гг. – в отличие от мыслителей XVIII – начала XIX в. – не были «однонаправленными» европоцентристами и рассматривали свою страну как государство, находящееся *между* Западом и Востоком и соединяющее в себе черты обеих цивилизаций.

Так, например, П. Я. Чаадаев в знаменитом первом «Философическом письме» (1829-1830) сформулировал проблему следующим образом: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны были бы сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [20, с. 329].

П. Я. Чаадаев использовал особый способ формулировки мыслей, который в дальнейшем часто применялся в аналогичном контексте: формально говоря о Китае, на самом деле иметь в виду Россию. В заметках, сделанных к статье Киреевского в «Московском сборнике» (1852), П. Я. Чаадаев писал о «новом небесном государстве», а также о «Китае» и «китайцах», подразумевая Россию (тогда как Китай в этом контексте назывался им «старым небесным государством»). Характеризуя на примере Китая культуру всего Востока и противопоставляя её культуре Запада, Чаадаев, основываясь на немногочисленных известных ему фактах истории китайской цивилизации, в качестве основного её признака называл «неподвижность» (в отличие от европейской «динамичности») [Там же, с. 404, 409].

В таком же ракурсе эта проблема в дальнейшем рассматривалась и другими русскими мыслителями. Славянофилы исходили из представлений о том, что российская культура ценна сама по себе, хотя и существенно отличается как от европейской, так и азиатской.

Основоположник славянофильства А. С. Хомяков в фундаментальном труде по вопросам всеобщей истории, получившем название «Семирамида», который создавался в 1838-1850-е гг. (в полном виде эта книга была опубликована только после смерти А. С. Хомякова – в 1871 г.), переосмыслил роль Китая в мировой культуре, указав на её уникальность.

Особый интерес представляет отношение к Китаю Н. Я. Данилевского, разработавшего в книге «Россия и Европа» (1871) концепцию «многолинейного» исторического развития «культурно-исторических типов». Китайскую и «российско-славянскую» цивилизации Н. Я. Данилевский рассматривал в качестве особых «культурно-исторических типов», которые сыграли в истории культуры не меньшую роль, чем «романо-германский» («европейский») тип [6, с. 88-91].

Сопоставление европейской (в том числе и русской) культуры с китайской (именно в аспекте связи последней с «порядком») традиционностью интересовало В. С. Соловьёва. В статье «Китай и Европа» (1890) он писал: «Противоположность двух культур – китайской и европейской – сводится, в сущности, к противоположению двух общих идей: *порядка*, с одной стороны, и *прогресса*, с другой. С точки зрения порядка важнее всего *прочность* социальных отношений, идея прогресса требует их идеального *совершенства*. Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего, прогрессивное совершенствование есть деятельность, определяемая идеалом будущего. Что Китай достиг прочного порядка – это несомненно; насколько европейский прогресс ведёт к социальному совершенству – вот вопрос» [15, с. 147].

Высказывания русских мыслителей хорошо иллюстрируют содержания дискуссий, которые велись в российском обществе на протяжении второй трети XIX в. Размышления в этом направлении стали своеобразным «фундаментом», «контекстом», который становился основой «китайского текста».

Итоговым произведением русской литературы первой половины XIX в., в котором появился развёрнутый образ Китая и которое, с нашей точки зрения, обозначило возникновение «китайского текста» русской литературы, стал «географический роман» И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», написанный в 1852-1855 гг.

и опубликованный отдельным изданием в 1858 г. Писатель с большой симпатией изобразил китайский национальный характер, указав на трудолюбие, смиренность, доброжелательность, усердие китайских людей, отсутствие у них фанатизма, учтивость и честность, переплетённую с сыновней почтительностью и долгом. Сравнивая китайцев и англичан (не в пользу последних), автор отметил следующее: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать – не китайцы ли англичан?» [5, с. 236].

Подводя итоги, можно констатировать, что на протяжении периода с конца XVIII в. до середины XIX в. в русской культуре формировался развёрнутый «китайский контекст», связанный с постановкой разнообразных политических, историко-философских и «культурных» проблем, соотнесённых с Китаем и с размышлениями о перспективах развития самой России в системе ключевых цивилизационных ориентиров «Запад» – «Восток».

Становление «китайского контекста», с одной стороны, способствовало росту интереса к Китаю у российской читающей публики; с другой – вызывало появление новых произведений, основанных на стремлении понять особенности культуры этой страны, то есть развитию «китайского текста» русской литературы.

В истории развития в русской культуре «китайского контекста» можно выделить несколько этапов (хронологические границы которых несколько размыты). На *первом этапе*, продолжавшемся на протяжении всего восемнадцатого века и завершившемся в 1800-е гг., формировался «бытовой» контекст восприятия китайской культуры и возникли первые основания для исторически конкретных интерпретаций Китая (появление первых переводов классических китайских текстов). На *втором этапе*, начавшемся в 1810-е гг. и завершившемся в 1840-е гг., появились первые художественные (беллетристические) тексты, в которых изображался Китай и китайцы, и первые научные исследования китайской истории и культуры. На *третьем этапе*, начавшемся в 1850-е гг. и завершившемся в конце 1880-х гг., «китайский контекст» оказался связан с рядом политических и историко-философских проблем, касавшихся перспектив развития России, и появились первые произведения, входящие в «китайский текст» русской литературы, в которых был представлен развёрнутый правдивый образ Китая и анализировались особенности национальной жизни страны. В последующие периоды началось быстрое *качественное* и *количественное* развитие «китайского текста» в многообразных жанровых формах, а также его структурное усложнение.

Роман И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» стал первым художественным произведением, в котором точные авторские наблюдения над жизнью китайского народа стали средством для раскрытия *китайского* национального характера и сопоставления его с *русским* характером. В последующие периоды «китайский текст» развивался многими другими писателями – Л. Н. Толстым, В. М. Дорошевичем, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, Вас. И. Немировичем-Данченко, Н. Г. Гариним-Михайловским...

«Китайский текст» русской литературы (начиная с первых десятилетий XIX в.) был ориентирован на активное взаимодействие с «массовой» литературой, направлен на решение ряда «прикладных» задач (в сфере политики, туризма, сохранения здоровья и т.п.), а его развитие, способствовавшее разрушению европоцентристских представлений, стало важной частью размышлений о России. В русской литературе второй половины XIX в. была сформулирована мысль об особой исторической и духовной близости России и Китая, а также о сходстве проблем, стоящих перед обеими странами. В конце XIX в. и в дальнейшем, на протяжении всего XX в., эта идея стала одной из основополагающих для «китайского текста» русской литературы.

Список источников

1. **Алексеев В. М.** Китайский и корейский фонды // Азиатский музей Российской академии наук, 1818-1919: краткая памятка. СПб., 1920. С. 44-65.
2. **Арденс Н. Н.** Творческий путь Л. Н. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 680 с.
3. **Белинский В. Г.** Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. С. 595-599.
4. **Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
5. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2-х т. Л.: Наука, 1986. 880 с.
6. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
7. **История отечественного востоковедения до середины XIX в.** / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.
8. **Кондаков Б. В., Красноярова А. А.** Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123-128.
9. **Левченко А. А., Забияко А. А.** Художественная этнография В. Марга: образы китайцев в прозе 1920-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом аспекте: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2013. С. 219-236.
10. **Лукин А. В.** Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М.: Восток – Запад; АСТ, 2007. 598 с.
11. **Меднис Н. Е.** Венеция в русской литературе. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 1999. 391 с.
12. **Раскина Е. Ю.** Образы китайской культуры в творчестве Н. С. Гумилёва // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4: в 4-х ч. Ч. 2. С. 93-97.
13. **Рифтин Б. Л.** Русские переводы китайской литературы в XVIII – первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века: знакомство, переводы, восприятие / отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Никулин, Б. Л. Рифтин. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 12-32.

14. Смирнов С. В. Воспоминания русских репатриантов из Китая: прошлая реальность и реальность прошлого // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. статей. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 371-382.
15. Соловьёв В. С. Китай и Европа // Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 2-е. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. Т. 6. 1886-1894. С. 93-150.
16. Согова Т. О. Сборник стихов «Фарфоровый павильон» Н. С. Гумилёва. Мировоззрение китайских поэтов и отношение к ним // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 3. С. 130-140.
17. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.
18. Удивительные истории нашего времени и древности: сборник: в 2-х т. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 2. 912 с.
19. Цао Сюэмэй, Дефье О. В. Образ и мотивы «китайского ума» в произведениях русских писателей XVIII века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 111-115.
20. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2-х т. М.: Наука, 1991. Т. 1. 800 с.
21. Якимова С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного ун-та, 2013. 216 с.
22. 李延龄. 论中国俄罗斯侨民文学(2) [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2005 : 276 页 (Ли Яньлин. О литературе русской эмиграции в Китае: в 2-х ч. Харбин, 2005. Ч. 2. 276 с.).

“Chinese Text” and “Chinese Context” in the Russian Literature of the XIX Century

Krasnoyarova Anna Aleksandrovna

Nanchang University, the People's Republic of China
annapopkova1909@gmail.com

Modern literary criticism focuses on studying different types of “thematic texts”, among which particular attention is paid to the “Chinese text”. The “Chinese” text as a special literary phenomenon has not been previously investigated by domestic and foreign literary critics and culture experts, although there are numerous literary works that are somehow related to China. The paper aims to examine the image of China in the Russian culture, so the concepts “Chinese text” and “Chinese context” are used; studying interrelation of these concepts allows better understanding specificity of the Russian national culture and peculiarities of the traditional Chinese culture, which acquired an original interpretation in the Russian literature.

Key words and phrases: Russia and China; “Chinese” text; “Chinese context”; problems of crosscultural communication; Russian literature of the XIX century; China image in Russian literature.

УДК 8:882:821.161

Дата поступления рукописи: 28.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.9>

Цель исследования – раскрыть особенности мастерства прозы талантливого современного писателя и журналиста С. Н. Макаровой-Гриценко. В статье на примере рассказов из вышедшего недавно сборника «Навигатор» рассмотрены основные темы, дается характеристика героев, а также описаны специфические приемы писателя, использованные в этом жанре малой прозы. **Научная новизна** заключается в изучении рассказов из «Навигатора» в контексте современной русской литературы с точки зрения философии и лингвистики текста С. Н. Макаровой-Гриценко. **В результате** нашего исследования были выделены основные смысловые узлы в рассказах писателя, охарактеризованы составляющие компоненты образов главных и второстепенных героев, на протяжении всей статьи раскрываются особенности прозаического мастерства краснодарского автора.

Ключевые слова и фразы: С. Н. Макарова-Гриценко; рассказ; современная русская литература; аксиологический аспект; сюжет; герой; изобразительно-выразительные средства.

Лебединская Виктория Григорьевна, д. филол. н., доц.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
lebedinskaya2012@rambler.ru

На пути к главному: рассказы писателя и журналиста С. Н. Макаровой-Гриценко в контексте современной русской литературы

В наш век высоких технологий особую актуальность приобретает обращение человека к вечным общечеловеческим ценностям: именно об этом все чаще сейчас можно слышать и читать. Характерной тенденцией последнего времени является то, что литературу считают одной из самых важных составляющих нашей духовной жизни не только гуманитарии, но и исследователи из других областей научных знаний. В ходе «Читательской ассамблеи Содружества» (17 сентября 2019 г., г. Москва) доктор биологических наук и заведующая